

Продолжаем публикацию фрагментов выпускных квалификационных работ по специальности «Музыковедение», защищенных в Санкт-Петербургской государственной консерватории.

Редакция

Natalia KOVALCHUK Life and artistic journey of Valentina Serova

The biographical essay is dedicated to Valentina Serova, a composer, critic, and a public figure. She is known mainly due to her famous husband — A. Serov, a composer, and her son — an outstanding artist V. Serov. However, the personality and creative work of V. Serova herself, the author of five operas, one of which was staged on the stage of the Imperial Theaters, a close acquaintance of many prominent cultural figures of the second half of the 19th and early 20th centuries, are of great interest.

Keywords: V. S. Serova, A. N. Serov, V. A. Serov, M. A. Balakirev, N. A. Rimsky-Korsakov, A. G. Rubinstein, P. I. Tchaikovsky, S. I. Mamontov, I. E. Repin, F. Liszt, R. Wagner, E. F. Napravnik, "Judith", "Uriel Acosta", "Maria d'Orval", Sudosevo village.

Наталья КОВАЛЬЧУК Жизнь и творческий путь Валентины Семеновны Серовой¹

Биографический очерк, посвященный композитору, критику и общественному деятелю Валентине Семеновне Серовой. Она известна, в основном, благодаря своему знаменитому мужу — композитору А. Н. Серову, и сыну — выдающемуся художнику В. А. Серову. Однако личность и творчество самой В. С. Серовой, автора пяти опер, одна из которых была поставлена на сцене Императорских театров, близкой знакомой многих крупных деятелей культуры второй половины XIX — начала XX века, представляют огромный интерес.

Ключевые слова: В. С. Серова, А. Н. Серов, В. А. Серов, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, С. И. Мамонтов, И. Е. Репин, Ф. Лист, Р. Вагнер, Э. Ф. Направник, «Юдифь», «Уриель Акоста», «Мария д'Орваль», село Судосево.

Имя Валентины Семеновны Серовой (1846–1924) — композитора, критика, музыкально-общественного деятеля, просветителя, одной из самых ярких и необычных российских женщин второй половины XIX века — ныне почти забыто. Упоминают его, как правило, лишь в связи с биографией ее мужа, композитора А. Н. Серова, и сына — художника В. А. Серова. Между тем интерес к личности и творчеству В. С. Серовой вызывает даже один тот факт, что она стала первой в России женщиной-композитором, чья опера «Уриель Акоста» (1883) — первое из пяти написанных ею произведений этого жанра — была исполнена на сцене Императорских театров. Премьера оперы состоялась в Большом театре 15 апреля 1885 года, и уже благодаря этому имя Вален-

тины Семеновны Серовой вошло в историю русской музыки. Позднее «Уриель Акоста» был поставлена в Киеве (1887) и в Петербурге (1893), на сцене Михайловского театра, что свидетельствует об интересе к этой опере со стороны театров и публики. Все эти факты, на наш взгляд, служат достаточным основанием для того, чтобы обратиться к личности и творческой деятельности В. С. Серовой.

Валентина Семеновна, в девичестве Бергман, появилась на свет в Москве 15 апреля 1846 года². Серова происходила из еврейской семьи, принявшей православие. Семен Яковлевич и Августина Карловна Бергман (в девичестве Гудзон) перебрались из Польши в Москву, где открыли небольшой магазин в доме № 6 (на тот

¹ Фрагмент первой главы дипломной работы «Опера „Уриель Акоста“ в контексте оперного творчества В. С. Серовой» (СПб., 2019). Научный руководитель — кандидат искусствоведения, доцент В. В. Горячих.

² В одном из писем к А. С. Симонович-Бергман Серова указывает на скорую премьеру оперы «Уриель Акоста»: «Я послала вчера телеграмму, что „Акоста“ идет в понедельник, в день моего рождения» [цит. по: 5, с. 128]. Таким образом, В. С. Серова родилась в день, в который позднее состоялась премьера ее первой оперы.

момент являвшимся домом Тарлецкого) на улице Рождественка. Также родители держали небольшое ателье по пошиву детских платьев. Мать Серовой, грезившая театром, тяготила жизнь в России, и на семидесятом году она уехала на родину — в Гамбург. Там она и скончалась. Всем своим детям — Александру, Софье, Аделаиде и Валентине — родители дали достойное образование. Так, младшая из сестер, Валентина, будучи еще ребенком, владела тремя языками (русским, немецким, французским). Помимо этого она с малых лет проявляла способности к музыке. Товарищ старшего брата по гимназии первым заметил тонкий музыкальный слух девочки и порекомендовал ее родителям нанять учителя по фортепиано. Несмотря на всю «антимзыкальность» (по оценке самой Валентины Семеновны) ее семьи, родители проявили чуткость и участие в развитии пианистических способностей дочери. Вот что писала сама Серова, вспоминая о своих первых уроках: «Благодаря моему таланту, учитель мой хотел мне больше посвятить времени, чем остальным детям, и потому моя очередь была всегда играть последней у него, что иногда приходилось не ранее 10-ти часов вечера; для ребенка пяти лет это

было слишком утомительно, на что нимало не обращалось внимания, даже иногда спящую приносили к фортепиано и заставляли брать урок» [6, с. 171].

Дальнейший путь Серовой определила счастливая случайность. Один из покупателей магазина по фамилии Давыдов³ оказался преподавателем рисования во французском пансионе мадам Кнолль. Услышав игру на фортепиано юной Валентины, он предложил родителям отдать девочку в эту частную школу, а также выхлопотал для нее дополнительные, бесплатные занятия на несколько лет вперед. «Мещаночке», «дочке лавочника», как называли Валентину в пансионе, приходилось несладко. Сама мадам Кнолль, которая терпела девочку лишь потому, что благодаря ее выдающимся музыкальным способностям заведение имело прекрасную репутацию, не могла удержаться от колких выпадов в сторону ученицы. «...Испытав на себе эти чувства обиды и унижения, — как отмечает в своих воспоминаниях Аделаида Симонович, сестра Серовой, — В[алентина] С[еменовна] во всю свою долгую жизнь была горячей защитницей угнетенных и обиженных»⁴. Тем не менее закончить пансион ей было не суждено. За несколько дней до выпуска Серова подняла бунт против учителя французского, который, по ее мнению, недостаточно профессионально выполнял свои обязанности. Бунтовала она и против нового учителя по фортепиано, который губил в ней любовь к музыке и мучил бессмысленной муштрой. Благодаря своенравному характеру Валентине с малых лет приходилось много добиваться самостоятельно, в дальнейшем самой находя себе наставников.

В пятнадцать лет, загоревшись идеей непременно поступить в только что открывшуюся в Санкт-Петербурге первую российскую консерваторию, она отправилась в столицу, не сообщив о своем намерении родителям. Там, снимая тесную комнатку без мебели и раздумывая, где добыть средства на учебу, Валентина тесно соприкасается с миром лакеев, прачек, кучеров и нянюшек. «Интересы моих соседей начали меня занимать: украл ли Ванюшка у барина сахарку, сгрубил ли кучер Федька барину, выпросила ли Матрена у барыни платочек — все это я знала и слышала и начала этому сочувствовать» [7, с. 249]. Та среда, что окружала Валентину с самого начала ее самостоятельной жизни, начала формировать в ней защитницу «притесненных»⁵.

Наконец, в 1862 году, заручившись материальной поддержкой в виде стипендии Московского музыкального общества, Валентина Бергман становится студенткой консерватории и попадает в класс фортепиано А. Г. Рубинштейна. Вскоре, с головой окунувшись в музыкальную жизнь столицы, девушка очаровывается фигурой А. Н. Серова, блестящего критика и талантливого композитора. Но более всего бунтарскую натуру шестнадцатилетней Валентины впечатляют его идеи, броса-

³ Его брат, Карл Юльевич Давыдов — знаменитый виолончелист, директор Санкт-Петербургской консерватории с 1876 по 1887 год.

⁴ А. С. Симонович. Воспоминания о В. С. Серовой. ОР РНММ. Ф. 157. № 114. Л. 2.

⁵ Там же.

ющие вызов традиционному музыкальному образованию. Впервые увидев его на премьере «Юдифи» 16 мая 1863 года, девушка мечтает завязать со своим кумиром знакомство. Наконец, благодаря М. Е. Славинскому, она попадает к Серову домой — в квартиру в доме Липина на углу Демидова переулка и набережной Мойки [10, с. 107]. Вот как Валентина Семеновна описывает свои впечатления от первой встречи с Серовым: «Я ушла. На улице уже стемнело, луна засветилась. Встав, как вкопанная, у подъезда, я взглянула на балкон, на освещенные окна, на Мойку, в которой отражались эти окна: в них мелькала тень того человека, который во мне вызвал целый рой новых мыслей, благородных ощущений. Жизнь показалась мне полною богатого содержания, грудь вздымалась от чувства благодарности за пробуждение во мне артистического сознания. Пронеслись в уме звуки 9-й симфонии „Тассо“, припомнилась умная, восторженная речь» [8, с. 12].

Первая встреча оказала на Валентину Семеновну такое воздействие, что она тотчас приняла самостоятельное решение покинуть консерваторию и полностью передать свое музыкальное образование в руки А. Н. Серова. На следующее утро, придя к Александру Николаевичу домой, она заявила, что подала на отчисление, на что тот ответил: «Вот мы какие прыткие! Люблю я такие решительные натуры...» [8, с. 14]. Отца импульсивный поступок дочери сильно озаботил: в своем письме Семен Яковлевич настоятельно рекомендовал ей вернуться в консерваторию и обвинял Серова в том, что тот «политический интриган» [8, с. 17] и, по-видимому, имеет на юную студентку свои планы.

Серов осознавал, что часть ответственности за музыкальное образование Валентины отныне ложится на его плечи. С этого дня начался интенсивный курс обучения на безвозмездной основе. В программу обучения входил анализ партитур, совместное музицирование, задания по композиции и посещение оперных представлений. Театральные спектакли, сопровождаемые комментариями Серова, формировали вкус ученицы и служили прекрасными иллюстрациями для теоретического материала: «Серов добросовестно заставлял меня следить за колоритом инструментов, критиковал места неудачные, а главное, толковал мне о конструкции оперной техники, так что она живьем объяснялась на месте и невольно внедрялась в память» [8, с. 16].

Ежедневные занятия начинались с 10 утра и длились порой до позднего вечера. Помимо этого, Валентина Семеновна посещала публичные лекции и вечера, где выступал Серов. Быстро нарастающая симпатия между Александром Николаевичем и его студенткой привела к развитию отношений, которые постфактум Валентина Семеновна определит как в большей степени платонические. Она ненавидела «все, напоминающее семейную обстановку» [8, с. 24], а ее «артистическая натура» [8, с. 31] бунтовала против замужества, однако девушка уже не могла представить свою жизнь без Серова и в конце концов согласилась на его предложение руки

и сердца. Так, несмотря на разницу в двадцать шесть лет, в 1863 году они заключают брачный союз.

Каждое утро молодых начиналось с мазурки. За чаем они читали Шекспира или Гомера, а после Серов приступал к работе над «Рогнедой». Композитор знакомил с каждой написанной сценой свою супругу, служившую ему своеобразным «термометром с точным определением градусов музыкальной температуры» [8, с. 46].

Брак с выдающейся личностью и всесторонне образованным человеком не только оказал воздействие на формирование личности Валентины Семеновны, но и открыл для нее широкий круг общения. Серова познакомилась с представителями современного ей искусства, среди которых: писатели И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, А. А. Потехин, А. Ф. Жохов и Г. И. Успенский, поэты А. А. Григорьев и А. Н. Майков, скульптор М. М. Антокольский, художники Н. Н. Ге и И. Е. Репин, певица П. Виардо, публицисты и критики Н. К. Михайловский, В. В. Стасов и Е. М. Петровский, меценат С. И. Мамонтов и многие другие. В одной из поездок с мужем за границу Серова знакомится с Ф. Листом и Р. Вагнером.

Серову было необходимо высшее общество с его зваными ужинами, музыкальными вечерами и всяческими изысками. Валентине Семеновне же, начавшей проникаться идеями шестидесятников, все это претило. Пить дорогое вино и «глотать устрицы» [8, с. 48] почиталось ею за преступление. На светских раутах, где Александра Николаевича принимали за знаменитость, девушка находилась не любила — все это казалось ей вычурным и фальшивым. Единственный салон, который одинаково любили и Серов, и его жена — это дом Потехиных. У них Серовы познакомились со многими выдающимися артистами Александринского театра, и вскоре они стали завсегдатаями серовских четвергов — так называемых «зверинцев» (среди них: Василий Васильевич Самойлов, Павел Васильевич Васильев, Иван Федорович Горбунов, Юлия Николаевна Линская). Именно Алексей Антипович Потехин своими размышлениями о мужицкой драме подал Серовой идею создания народной оперы. Еще одной личностью, вдохновлявшей Александра Николаевича (и подспудно Валентину Семеновну) на выбор народного сюжета для оперы, был А. А. Григорьев.

«Сначала у нас господствовал полный европеизм с гомеро-шекспиро-изольдовским эпизодом <...>. Потом настал период тихих радостей у семейного очага. „Рогнеда“ внесла к нам „русский дух“ и кипучую жизнь» [8, с. 48].

Ничего из того, что так пугало Серову в семейной жизни — рутина, хлопоты по дому, налаживание быта — ее не коснулось. Однако в браке юную девушку, мечтавшую о композиторской деятельности, настигло другое несчастье. Приведем здесь обширную цитату из ее «Воспоминаний»: «Моя самостоятельная жизнь была пресечена, источник моих живых интересов отсутствовал, и я терялась в хаосе нот, книг, бумаг, свидетельствующих о тяжелом труде, о внимательном изучении, о глубокой учености. Мне также хотелось трудиться по музыке,

но как приступить к этому труду? Серов не мог научить систематически работать; его делом было будить мысли, настраивать высоко чувства! Пыталась я импровизировать, как прежде, но мизерными, жалкими показались мне эти несчастные заморыши после звуков, раздававшихся здесь несколько часов назад» [8, с. 52].

Валентина Семеновна всегда указывала на тесную духовную связь с мужем. Его взгляды на музыкальное искусство стали для Серовой авторитетными. Оба супруга вели активную критическую деятельность и принадлежали к лагерю вагнерианцев. После смерти мужа Серова сохранила подаренную им партитуру «Тристана» (которую Серову, в свою очередь, подарил Вагнер), часто играла отрывки из него на музыкальных вечерах и оплакивала эти ноты, погибшие в пожаре 1886 года в селе Едимонове. Интересно, что с «Тристаном и Изольдой» была связана их первая размолвка. Еще до замужества, на одном из первых занятий, когда Серов демонстрировал партитуру «Тристана», Валентина Семеновна стала откровенно зевать: «Скучно, А[лександр] Н[иколаевич], и не могу я этой скуки одолеть; делайте со мной, что хотите» [8, с. 17]. Серова, невероятно любившего эту оперу, поведение ученицы раздосадовало и даже оскорбило. Но за время их совместной супружеской жизни звуки «Тристана», партитуру которого Александр Николаевич играл по вечерам, стали так привычны девушке, что навсегда оказались связаны с дорогими ей воспоминаниями.

Серова наблюдала сочинение и процесс постановки «Рогнеды», была вовлечена в процесс создания «Вражьей силы». Последней она, пожалуй, увлекалась даже больше, чем сам Серов. Он так и говорил о своем новом произведении: написана опера будет им, но поистине принадлежать — его супруге [8, с. 109]. После представления «Вражьей силы» в кругу друзей, у Потехина, Серовой впервые пришла в голову мысль об исполнении этой оперы в деревне. Новый толчок для формирования этого замысла принесла встреча с С. А. Юрьевым в Москве. Еще в 1862 году Юрьев поставил драму А. Н. Островского «Не так живи, как хочется» в селе Воскресенское Тверской губернии — пожалуй, именно его можно считать основоположником такого рода любительских народных театров⁶ (большую массовость этот процесс приобрел после отмены монополии императорских театров в 1882 году).

Летом 1864 супруги отправились в путешествие по Австрии и Германии: в Вене Серов познакомил жену с Вагнером, в Бадене (Карслруэ) — с Виардо, Тургеневым и Листом; там же, в Карслруэ, они побывали на оперном фестивале⁷, а оттуда отправились во Франкфурт, славившийся своими ярмарками. Всюду Серов встречал своих старых знакомых, принимали его с супругой горячо и радушно. На обратной дороге они посетили Швейцарию и Берлин. Там, в Берлине, была утеряна партитура «Юди-

фи» с немецким переводом — ее, по-видимому, задержали на границе [8, с. 67].

В браке с талантливым композитором Серова чувствовала себя творчески подавленной. Все ее внимание было сосредоточено на деятельности супруга. Лишь в редкие моменты его отъездов к Валентине Семеновне возвращалось вдохновение и желание музицировать. Все восемь лет совместной жизни ее угнетало чувство собственной творческой нереализованности. Конечно, Серов не мог этого не заметить. В 1871 он предложил ей организовать небольшое ателье, где девушка могла бы обрести творческую свободу и самостоятельность. Эта мастерская-ателье представляла собой полупустую комнату с роялем. Здесь Валентина Семеновна собирала молодежь, здесь же уединялась, изучая классические партитуры и сочиняя музыку.

В том же 1871 году Серовы переезжают в дом на углу 15-й линии и Большого проспекта Васильевского острова. На музыкальные четверги все так же собирался весь музыкальный, художественный и научный свет. Среди последних — путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай и изобретатель Александр Николаевич Лодыгин. Здесь каждый находил себе место: «в гостиной идут дебаты о народной поэзии милого старика Водовозова» [8, с. 140], за разговором наблюдает Н. Н. Коган, молодой врач, усиленно агитирующий за устройство интеллигентной колонии, тут же молодой скульптор Антокольский. В соседней комнате художники обсуждают идеи передвижничества.

Следующая поездка Серовых за границу состоялась в 1871 году. Супруги побывали в Гамбурге, в Мюнхене смотрели «Мейстерзингеров» и «Тристана», а в Люцерне неоднократно посетили Вагнера на его вилле Трибшен. Пожалуй, никто, кроме самого Александра Николаевича, не догадывался, что эта поездка станет последней в его жизни.

Прогрессировавшая болезнь Серова делала его вспыльчивым и раздражительным настолько, что супруге приходилось прятать от него газеты. Жизнь Серова оборвалась внезапно: сердечный приступ настиг его в разговоре о музыке в компании Славинского.

От брака с Александром Николаевичем Серова родила двоих детей: Валентина Александровича Серова (1865–1911), ставшего впоследствии знаменитым русским живописцем и затмившего славою своих родителей, а также дочь, умершую в десятилетнем возрасте в тот же год, в который не стало самого Серова — 1871. Уточнить имя девочки не удалось, но велика вероятность, что ее назвали Александрой: на страницах своих воспоминаний Валентина Семеновна писала, что, когда была беременна первенцем, супруги договорились назвать мальчика в честь матери, а девочку в честь отца.

После смерти мужа Серова твердо решает посвятить себя музыке. «Теперь мой жизненный путь был

⁶ См. об этом подробнее: [2].

⁷ Фестиваль, проходивший 21–26 августа 1864 года в Придворной опере.

начерчен твердо, без колебаний: выучиться музыке и распространять ее в народ» [8, с. 164], — пишет Валентина Семеновна в своей книге воспоминаний об А. Н. и В. А. Серовых. Первым делом нужно было заполнить лакуны в образовании — вспомнить ученические годы и наверстать упущенное. За этим она отправляется в Мюнхен, куда еще недавно ездила с мужем. Маленького Валентина — «Серовчика» — оставляет на это время Наталье Николаевне Друцкой-Соколинской⁸ в Никольском, пока в Мюнхене берет уроки у Германа Леви⁹. Через год Серова забирает сына к себе в Баварию. Три года, проведенных в Мюнхене, становятся для обоих Серовых начальным периодом ученичества. Здесь, за границей, Валентина Семеновна ведет привычную для себя жизнь. Она устраивает музыкальные вечера, которые посещают русские эмигранты и профессура. Во время недолгого отъезда в Париж, куда Серова в 1874 отбывает с сыном, заручившись рекомендательными письмами к Сарвади и Сен-Сансу, она заводит знакомство с семьей Мамонтовых. Там Серовы попадают в кружок художников, во главе которого стоит Алексей Петрович Боголюбов. Пока Валентин берет уроки у И. Е. Репина, Валентина Семеновна посещает музыкальные концерты и практикуется в композиции.

По возвращении в Россию с Серовой приключился курьезный случай. В выпуске петербургской газеты «Голос» от 21 июня 1875 года напечатали известие о ее смерти (некролог). Оказалось, журналист перепутал сообщения о возвращении Серовой в Россию с похоронами Дж. Ферреро. Все это сильно взволновало русскую общественность: письмами завалили не только родственников Валентины Семеновны, но и Мамонтовых, у которых она тогда гостила с сыном.

Савва Иванович и Елизавета Григорьевна оказывали сильное влияние на них обоих. Валентин Серов станет частым гостем в Абрамцеве, в этом «месте силы» для русских художников, и напишет там свою «Девочку с персиками». Для Валентины Семеновны же близкое знакомство с Мамонтовыми не только откроет путь на сцену Частной оперы, но и укрепит ее в стремлении просвещать русскую деревню. Как известно, Елизавета Григорьевна при участии Антокольского открыла в Абрамцеве столярно-резицкую мастерскую. Посредством этого они остановили миграцию крестьян из деревни, обеспечили их рабочими местами, обучили грамоте и привили любовь к изобразительному искусству, а также возродили резьбу по дереву как прикладное искусство. Мамонтова, развернувшая широкую благотворительную деятельность в Абрамцеве — со школами,

столовыми и библиотеками, стала для Серовой настоящим примером для подражания.

В Петербурге состоялось знакомство с Блаرامбергами. «Оба образованные, развитые, культурно воспитанные молодые люди заполнили все мое существование, и музыкальная волна захлестнула мою жизнь» [8, с. 197]. Павел Иванович и Мина Карловна сполна удовлетворяли потребность Серовой в музицировании. Однако из-за болезни сына Серовы были вынуждены совершить очередной переезд — в более благоприятный в климатическом отношении Киев.

Через два года «артистический голод» привел их обратно в Москву, а затем в Петербург. Устроив сына в Академию художеств, Серова «тотчас ринулась в народ» [5, с. 100] для осуществления своего деревенского проекта, о котором речь пойдет ниже.

Серова приезжала из деревни на субботники, так называемые вечера на Кирочной, где собирались художники во главе с Серовым, Врубелем и Дервизом, а также племянницы Серовой. «Вкус, изобретательность талантливых жрецов искусства чудесным образом сплетались с молодостью, красотой их юных поклонниц» [5, с. 105], — вспоминала о тех вечерах Валентина Семеновна.

В 1879 году Серова обращается к М. А. Балакиреву в надежде найти в нем учителя, который улучшит ее владение оркестровкой. Бегло просмотрев партитуру симфонической поэмы «Ундина», Балакирев направил Валентину Семеновну к Н. А. Римскому-Корсакову¹⁰. В письме Николаю Андреевичу Балакирев пишет: «...оркестровка ее недурна и, может быть, даже хороша. Хотелось бы просмотреть вместе с Вами» [4, с. 131–132]. Итог был таков: уровень оркестровки высок, но она все же несколько «хромает от неумелости голосоведения»¹¹, Серовой необходимо слушать свою музыку в оркестре и основательно изучить гармонию. Воспользовавшись советом, Серова будет пытаться пробиться на концертную эстраду. Была ли исполнена «Ундина», мы не знаем, однако известно, что другое ее сочинение, «Песнь для оркестра», прозвучало в Москве в концерте Русского музыкального общества в 1883 году¹². Через два года Серова вновь обратится к Балакиреву с просьбой посмотреть ее новую пьесу и оценить прогресс в освоении гармонии. Судя по всему, Милий Алексеевич ответил отказом, сославшись на чрезмерную занятость¹³.

В конце 1870-х годов Серова повторно вышла замуж за врача Василия Ивановича Немчинова (1851–1882), от которого родила двоих детей: Надежду (в замужестве Жилинская), оставившую впоследствии воспоминания

⁸ Серова ласково называла ее Талечкой.

⁹ См. об этом: [12, с. 228].

¹⁰ О том, давал ли Римский-Корсаков уроки Серовой, сведений нет. Однако известно, что они встречались в Москве в 1880 году, когда Серова играла Николаю Андреевичу фрагменты из своей оперы «Уриель Акоста».

¹¹ Письмо М. А. Балакирева к В. С. Серовой от 21–22 ноября 1879 года. ОР РНБ. Ф. 41. № 720.

¹² В Девятом симфоническом собрании РМО.

¹³ Письма В. С. Серовой к М. А. Балакиреву (2). ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. № 1201.

о матери, и сына Александра, умершего в возрасте 9 лет от скарлатины. О Василии Ивановиче известно не очень много: будучи в браке с Серовой, он успел отбыть ссылку и реабилитироваться. Умер Немчинов от тифа, по-видимому, подхватив его от больного в киевском лазарете.

Пока Валентина Семеновна занималась своими деревенскими проектами, дети находились на попечении у Марии Арсеньевны Быковой (1841–1907, в девичестве Богдановой) — еще одной увлеченной просветительницы. Быкова разработала свою систему преподавания, которая так восхищала Серову, — основанную на сочетании умственного труда с физическим. Она открыла в Сочи первую школу и не только работала с детьми, но и усыновляла сирот, потому детей своей хорошей подруги приняла как своих. К сожалению, школу вскоре закрыли: Быкову, как и Серову, власти подозревали в содействии государственным преступникам. Дочь Серовой, Надежда, будучи воспитана двумя этими деятельными и радеющими за образование женщинами, вернется в Сочи в 1898 году и отстроит школу заново.

Конец 1870-х годов прошел для Серовой под знаком создания первой оперы — на сюжет популярной пьесы Карла Фердинанда Гуцкова. 11 марта 1880 года Валентина Семеновна обращается за просьбой к Э. Ф. Направнику исполнить в концерте РМО¹⁴ пару законченных ею инструментальных номеров из «Уриеля Акосты»: «У меня есть интродукция и два антракта из моей оперы, которые подойдут, быть может, к концертной программе... я должна себя слышать хоть раз в оркестре, потому что я буду учиться еще долго и упорно» [3, с. 305–306]. В просьбе было отказано. В ответном письме Направник раскритиковал присланные номера, указав на отсутствие основной музыкальной мысли и цельной формы. В 1885 году, после премьеры «Уриеля», Валентина Семеновна обратилась к П. И. Чайковскому с просьбой дать оценку опере и несколько уроков по оркестровке, гармонии и контрапункту. Но Чайковский «решительно уклонился от этой чести и рекомендовал ей г. Аренского» [14, с. 633]. Состоялись ли уроки с Аренским, нам не известно.

В это время Валентина Семеновна была вынуждена разрываться между селом и столицей в связи с намечавшейся новой постановкой «Юдифи» А. Н. Серова. Благодаря Валентине Семеновне оперу возобновили в Мариинском театре в октябре 1888 года под управлением Э. Ф. Направника.

В начале 1891 года Серова прибыла в Петербург с намерением завести полезные знакомства в музыкантской среде и желанием поставить в столице свою новую оперу «Марию д'Орваль»¹⁵. Тогда же образовал-

ся музыкальный кружок, в который, помимо Серовой, вошли А. Б. Хессин, Н. Ф. Финдейзен, Г. Н. Тимофеев и В. В. Ястребцев. По словам Хессина, «кружок был излюбленным детищем Валентины Семеновны» [13, с. 100]. На его собраниях, проходивших на квартире Ястребцевых, знакомились с партитурами Р. Вагнера, Э. Грига и Г. Берлиоза, зачитывали доклады, обменивались впечатлениями. В то же время на музыкальных вечерах у Алины Андреевны и Василия Васильевича бывали Е. Н. Лебедева, Г. Н. Тимофеев, А. Т. Гречанинов, В. В. Венцель, С. К. Булич, Н. М. Штруп, И. И. Лапшин и А. Н. Пыпин. Все они составляли еще один кружок — группу почитателей Римского-Корсакова или кружок «фанатиков русской музыки»¹⁶. По воспоминаниям Е. Н. Лебедевой, Валентина Семеновна «знакомила кружок с сочинениями Серова и своими»¹⁷ (в частности играла номера из «Марии д'Орваль»), приносила партитуры опер Вагнера: «все их жадно изучали и следили по ним в концертных исполнениях. Такая тренировка благоприятно отразилась на наших музыкальных занятиях»¹⁸.

Срочный отъезд Серовой в деревню, связанный с начавшимся в 1891 году голодом, привел как к длительному перерыву в композиторской деятельности Серовой, так и к распаду ее кружка. «М-м Я[стребцева] сообщила мне, что с Гречаниновым они совершенно разошлись, конечно же, из-за Серовой, которая теперь благоденствует у голодающих крестьян», — сообщает Финдейзен в своих дневниках [11, с. 92].

С 1890-х годов и до конца дней жизнь Серовой неразрывно связана с деятельностью по оказанию помощи русской деревне, в особенности с селом Судосево Симбирской губернии (ныне — Мордовия). Жизнь крестьян этого села отныне практически зависела от «мамаши», как прозвали местные Валентину Семеновну. Поручив присмотр за дочерью Надей старшему сыну, Серова уехала заниматься своими 15 сиротами в Судосево. Фигура Серовой сразу привлекла внимание властей, церкви и местных помещиков. Все они приложили немало усилий, чтобы выдворить из деревни нарушившую привычный уклад и сеющую левые идеи среди крестьян Серову: «приезжает новый исправник и просит меня христом-богом уехать, ибо все помещики меня ненавидят <...> Так как полиция начала меня осаждать, то я объявила исправнику, что совсем покидаю Симбирскую губернию» [5, с. 135–136], — писала Серова Финдейзену из Судосева. Обескураженная таким положением дел, Валентина Семеновна действительно покинула губернию. Но через несколько месяцев, дойдя до самого обер-прокурора синода К. П. Победоносцева, Серова добилась попечительства над сельскими школами и вернулась к своим крестьянам.

¹⁴ Симфонический концерт Петербургского отделения РМО состоялся 23 марта 1880 года.

¹⁵ Опера поставлена не была.

¹⁶ Лебедева Е. Н. Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове. ОР РНБ. Ф. 640. Оп. 1. № 782. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 640. Оп. 1. № 782. Л. 2.

¹⁸ Там же. Ф. 640. Оп. 1. № 782. Л. 2.

Посвящая большую часть времени помощи провинции, Валентина Семеновна, тем не менее, продолжает выступать в печати и обучаться музыке. Не забывает она и о покойном супруге: с 1891 по 1893 год она занимается публикацией третьего и четвертого тома критических статей Серова¹⁹.

В 1895 году сообщение о тяжелой болезни единственной дочери заставило Серову на все лето отбыть в Крым в Новороссийск: «Все, касающееся художества, гражданской службы, все исчезло перед этой паникой — потерять мою дочь!»²⁰. Выходив Надю и оставив ее на попечение Бларамбергам, Валентина Семеновна тем не менее снова устремилась в Симбирскую губернию, пострадавшую за время ее отъезда.

В 1900 (или 1901) году Серова отправилась в Германию, чтобы подготовить к изданию «Юдифь» и перевести либретто на немецкий язык²¹. По этому поводу в «Воспоминаниях» она замечает, что всячески избегала общения с соотечественниками за границей, однако была вынуждена обратиться к диаспоре русских музыкантов в Лейпциге: для помощи с переводом нужен был человек со знанием «русского, немецкого и музыкального»²² языков. Ей порекомендовали ученика Артура Никиша, коим оказался Александр Борисович Хессин²³. Встретившись, они едва узнали друг друга — с последней их встречи²⁴ минуло почти десять лет. Работа по подготовке к печати «Юдифи», оперы, благодаря которой когда-то состоялось заочное знакомство Валентины Семеновны с будущим супругом, не была для Серовой тягостной: «так мне по душе было это занятие!»²⁵.

Перенесшая в мае 1901 года сотрясение мозга вследствие падения с экипажа, Валентина Семеновна была слишком слаба и все же не стала откладывать издание оперы покойного супруга. Готовить «Юдифь» Серовой помогал также С. И. Танеев с учениками Ю. Н. Померанцевым и Н. С. Жиляевым. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Танеева [9, с. 263].

Предпринятая поездка в Германию была сопряжена не только с хлопотами о «Юдифи», но и с твердым решением Валентины Семеновны начать систематические занятия контрапунктом и оркестровкой. Намерение Серовой оказалось непоколебимым даже несмотря на возраст — ей было пятьдесят четыре года, когда в ходе работы над либретто «Юдифи» она попросила А. Б. Хессина дать ей несколько уроков.

Только что окончивший консерваторию Александр Борисович, в свою очередь, сам прибыл в Лейпциге

в октябре 1899 года, чтобы усовершенствовать мастерство дирижирования под руководством А. Никиша. К этому времени уже успело себя проявить и композиторское дарование Хессина. Никиш, отзываясь на его кантату «Цыганы», отмечал мелодический талант, «превосходное голосоведение в оркестре» и «блестящую инструментовку» [13, с. 4]. Позже, в послереволюционные годы, Хессин реализует себя как талантливый педагог.

С Хессиным, отнесшимся к намерению Серовой с немалым участием, они играют в четыре руки произведения Ф. Листа, И. Брамса, Р. Штрауса. Так или иначе, некоторые рекомендации Хессина показались Серовой «наивными» — такую оценку она дает им в своих мемуарах²⁶. Это коснулось прежде всего совета по изучению оркестрового стиля Р. Штрауса, к которому ученица осталась глуха. Александр Борисович также занимался с Серовой композицией. Из воспоминаний об этих занятиях мы можем извлечь наименования двух фортепианных опусов Серовой. Музыка к «Einsame Menschen» Гауптмана была отмечена Хессиным как произведение в хорошем смысле простое и свежее, и он порекомендовал ей переложить эту вещь для оркестра. Второму — фортепианному Рондо — Хессин, «кое-где поморщившись»²⁷, также дал довольно высокую оценку. Резкую критику своих произведений Серова переносила крайне тяжело. Указания Хессина на недостаток логики, связности в музыкальном материале фактически приводили Серову в отчаяние. Из всех оперных номеров похвалы удостоилась лишь хоровая сцена в синагоге из «Уриеля Акосты», в которой Хессин «отметил порыв истинного вдохновения» [13, с. 102]. Александр Борисович подтолкнул Серову к написанию оперы для народа, вместо перекраивания для крестьян классических образцов: «Кто же может лучше написать народную оперу ... как не вы, изучавшая народ, много поработавшая с народом и горячо полюбившая его?» [13, с. 102].

Так или иначе, занятия с Хессиным носили характер консультаций, дружеских рекомендаций. Александр Борисович считал необходимым передать Серову в руки настоящего педагога. Однако найти такового оказалось довольно трудно: один за другим немецкие теоретики, недоумевающие, зачем автору двух опер в возрасте пятидесяти четырех лет вдруг понадобились уроки по гармонии, выражали категорический отказ. Единственным музыкантом, принявшим это предложение, оказался русский эмигрант Павел Федорович

¹⁹ В 1893 году В. С. Серова передала дела по изданию статей Н. Ф. Финдейзену.

²⁰ Письмо В. С. Серовой к Н. Ф. Финдейзену от 11 июня 1895 года. ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 2. № 1833. Л. 1 об.

²¹ Партитура была напечатана в Лейпциге Карлом Готлибом Редером на средства, вырученные Серовой с постановки «Юдифи» в Мариинском театре.

²² Серова В. С. В Лейпцигских облаках. Несколько глав из «Воспоминаний». ОР РНММ. Ф. 157. № 97. Л. 1 об.

²³ В переводе также помогала Е. Ваксмут — знакомая Хессина.

²⁴ Из «Воспоминаний о В. А. Серове» Н. Я. Симонович-Ефимовой известно, что с Хессиным контакт поддерживался еще очень долго — он часто гостил в доме Серовых.

²⁵ Серова В. С. В Лейпцигских облаках. Несколько глав из «Воспоминаний». ОР ВМОМК. Ф. 157. № 97. Л. 2 об.

²⁶ Серова В. С. В Лейпцигских облаках. Несколько глав из «Воспоминаний». ОР РНММ. Ф. 157. № 97. Л. 2 об.

²⁷ Там же. Ф. 157. № 97. Л. 22 об.

Юон²⁸. Находящийся еще в самом начале своей педагогической карьеры, он, тем не менее, уже к 1900 году был автором «Практической гармонии» и любезно согласился прочесть курс Серовой у себя в Берлине. За четыре месяца занятий гармонией с Юоном Серова добилась значительных результатов, которые были отмечены Хессиним: «я убедился еще раз в совершенно необычайной трудоспособности и выдержке этой женщины: она успела за это время написать около ста хоралов и свыше пятидесяти больших прелюдий с развернутой мелодической фигурацией» [13, с. 109].

За помощью в освоении контрапункта Серова обратилась к Танееву, который, ввиду большой занятости, отправил ее к Р. М. Глиэру [1, с. 318]. Рейнгольд Морицевич только что, в начале лета 1902 года, взял в ученики юного Прокофьева, а зимой 1903 года в Мюнхене начал занятия с Серовой. По всей видимости, Глиэр находился за границей по причине исполнения там своих сочинений (осенью 1902 года Первый квартет прозвучал в Вене, а Секстет в Берлине). Занятия контрапунктом с талантливым педагогом пошли Серовой исключительно на пользу. На долгие годы они сохранили теплые отношения друг с другом. Глиэр также принял участие в работе над оперой «Встрепенулись», сделав ее оркестровку. Серова еще «в течение многих лет брала частные уроки композиции у Глиэра» [1, с. 387].

Вернувшись в Россию, Валентина Семеновна направилась в любимое Судосево. Там ее ожидали полиция и многократные обыски. Ничего предосудительного ни в ее доме, ни в московской квартире так и не было обнаружено. Однако активная революционная деятельность ее воспитанников серьезно подорвала репутацию

Серовой в глазах властей, и в 1904 году Валентину Семеновну выслали из деревни в Москву. Но и в городе она нашла нуждающихся и ущемленных: в первую русскую революцию Серова поддерживала рабочих, открыв для них бесплатные столовые — по примеру тех, что она на протяжении многих лет создавала в провинции. Серова участвовала в организации крестьянских союзов, которые продвигали революционные идеи, поддерживала семьи ссыльных, вела переписку с революционерами — и тем не менее власти так и не смогли предъявить ей серьезные обвинения, хотя всеми силами старались изолировать ее от деревни.

О последних 15 годах жизни Серовой известно не очень много. Пережив смерть сына (в 1911 году) и два микроинсульта, вследствие чего Валентина Семеновна перестала владеть правой рукой и ногой, она «сошла со сцены общественной жизни». Третий удар привел к параличу. Новые власти позаботились о Серовой, и в 1922 году по приказу А. В. Луначарского ее направили в один из лучших московских санаториев, а также назначили ежемесячное пособие в размере 100 000 рублей. Валентина Семеновна до конца своих дней сохраняла ясность ума, интересовалась происходящим и не отступала от своих идей. По словам Г. О. Носович, ухаживающей за Серовой в последние годы ее жизни, не оставляли ее и творческие замыслы: «Самая большая трагедия моей жизни это то, что потребности ума у меня колоссальные. Мне необходима музыка, и я даже задумала новую оперу на текст Мережковского»²⁹.

Валентина Семеновна скончалась 24 июня 1924 года и была похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с могилой своего сына — В. А. Серова.

Литература:

1. Богданов-Березовский В. М. Рейнгольд Морисович Глиэр: Статьи. Воспоминания. Материалы: в 2 т. М.: Музыка, 1960. Т. 1. 390 с.
2. Иванова А. Н. Социокультурные изменения в российской деревне в 1861–1914 годах на примере Центрально-промышленного района. М.: Прометей, 2018. 370 с.
3. Направник Э. Ф. Автобиографические, творческие материалы, документы, письма / Под ред. Ю. В. Келдыша; сост., вступ. ст. и примеч. М. Л. Кутателадзе. Л.: Гос. муз. изд-во, 1959. 448 с.
4. Римский-Корсаков Н. А. Полное собрание сочинений: Лит. произведения и переписка / Ред. комис.: Б. В. Асафьев и др. М.: Музгиз, 1963. Т. 5. 591 с.
5. Серова В. С. Как рос мой сын / Ред.-сост. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков; вступ. статья и комм. И. С. Зильберштейна. Л.: Художник РСФСР, 1968. 296 с.
6. [Серова В. С.] Мои воспоминания // Музыка и театр. 1867. № 11. С. 171–175.
7. [Серова В. С.] Мои воспоминания // Музыка и театр. 1867. № 12. С. 183–187.
8. Серова В. С. Серовы Александр Николаевич и Валентин Александрович. СПб.: Шиповник, 1914. 380 с.
9. Танеев С. И. Дневники. 1894–1909: в 3 книгах / Сост. Л. З. Корабельникова. Кн. 2: 1899–1902. М.: Музыка, 1982. 429 с.
10. Финдейзен Н. Ф. А. Н. Серов. Его жизнь и музыкальная деятельность. 2-е расширенное изд. М.: П. Юргенсон, 1904. 149 с.
11. Финдейзен Н. Ф. Дневники. 1891–1892 / Вступ. статья, расшифр. рукоп., исслед., комм., подг. к публ. М. Л. Космовской. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 430 с.
12. Финдейзен Н. Ф. Из моих воспоминаний / Вступ. статья, расшифр. рукописи, исслед., комм., подг. к публ. М. Л. Космовской. СПб.: РНБ, 2004. 352 с.
13. Хессин А. Б. Из моих воспоминаний. М.: Всероссийское театральное общество, 1969. 248 с.
14. Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк: в 3 т. 1882–1890. М.: Музыка, 1936. Т. 3. 654 с.

²⁸ П. Ф. Юон окончил Московскую консерваторию как скрипач и композитор (учился у И. В. Гржимали, С. И. Танеева и А. С. Аренского).

²⁹ Письмо Г. О. Носович к О. Ф. Серовой от 29 марта 1922 года. Цит по: [5, с. 49].